

Александр Евсюков — прозаик и критик из Москвы, лауреат Фонда имени В. П. Астафьева 2020 года.

— Здравствуйте, Александр! Вы родом из Тулы... Расскажите о своих родителях. Кто привил вам радость чтения? В какие кружки вы ходили? Как учились в школе?

— Добрый день, Дарья! Если взглянуть из Центральной Сибири, то да — я из Тулы. Но если быть совсем точным, то моя малая родина — город Щёкино Тульской области, который находится совсем близко от толстовского имения Ясная Поляна. Мои родители никак не связаны с литературой: мама много лет проработала швейей, а затем оператором котельной, а покойный отец перепробовал немало разных профессий, в основном связанных с работой по дереву. Но уже в раннем дошкольном детстве они поочередно читали мне вслух хорошие книги, сначала сказочные и приключенческие, а потом и более серьёзные. Помню «Золотой ключик, или Приключения Буратино» А. Н. Толстого, «Зов предков» и «Белый клык» Джека Лондона, «Последний из могикиан» Фенимора Купера и объёмистый роман «Строговы» сибиряка Георгия Маркова. В школе я учился с переменным успехом: очень любил историю и литературу, к физике и химии относился настороженно и терпеть не мог уроки английского (впрочем, как и почти весь наш класс). Очень многое зависит от личности преподавателя: если он или она не только досконально разбирается в своём предмете, но любит его и умеет донести эту любовь детям, то обязательно появляется их ответный интерес. Как таковых кружков у нас при школе почему-то не было, но некоторое время я занимался в секции вольной борьбы.

— А почему именно Литературный институт? Вы рано начали писать? Почему пошли туда? Принято считать, что обычно люди идут туда, уже имея первое образование и многое понимая в жизни...

— Помню, что первое внезапное осознание промелькнуло лет в восемь. Ко мне в гости зашла одноклассница и, увидев толстенную книгу, которую я тогда дочитывал, вдруг заявила, что я обязательно

стану писателем. «Читателем?» — решила поправить её моя мама. «Нет, писателем», — повторила одноклассница. Я вроде бы отмахнулся и надолго забыл о самом этом разговоре, но, видимо, какое-то зерно жизненного плана он в меня тогда заронил. Примерно через полгода или через год я написал первое подобие рассказа о мистическом обычае затерянного в джунглях африканского народа. В паузах я разрисовывал поля исписанных страниц всякими фигурками — можно сказать, иллюстрировал. Затем, осмелев, я периодически брался писать большие романы: и приключенческие, и вестерны, и фантастику. Правда, никогда их не заканчивал — вскоре остывал и увлекался чем-то новым. Однажды в подвале нашего дома мне в руки попался старый номер толстого журнала — не помню, «Звезды» или «Нового мира», — и там я впервые прочитал отрывок из чьих-то воспоминаний о Литературном институте имени А. М. Горького. И вот в тот самый момент я вдруг интуитивно понял, что поступлю именно туда и буду там учиться. Такое вот сбывшееся озарение: вскоре после окончания школы я написал повесть, и она прошла творческий конкурс в Литинституте у самого Михаила Лобанова, легендарного критика, фронтовика, участника Курской битвы, преподававшего литературное мастерство больше полувека. А необходимого прозаику жизненного опыта я набирался и в процессе обучения, и по его окончании.

— Вы учились у Михаила Лобанова, известного критика. Каким вы его запомнили? Многие ли выпускники остались верными профессии? И куда они смогли устроиться?

— Да, Михаил Петрович был рыцарем критики. Необыкновенно скромным в быту, добрым, внимательным и при этом очень пристальным и требовательным мастером. Никогда, ни на секунду не было ощущения, что он думает о том, какие блага он мог бы получить от русской литературы, а только о том, что он может дать ей. И он давал своим ученикам очень многое, помимо собственно знаний, блестящих разборов произведений и необыкновенного ощущения, что ты через одно рукопожатие знаком с классиками двадцатого века: с Леонидом Леоновым, Михаилом Шолоховым, Юрием Олешей,

Борисом Шергиным, Константином Воробьёвым, Виктором Астафьевым, Валентином Распутиным и многими другими. Все они жили в нём и говорили с нами. И до сих пор он остаётся для меня важнейшим нравственным ориентиром.

Большинство выпускников Лобанова (во всяком случае, тех, с кем я периодически общаюсь) внимательно следят за современной литературой, продолжают писать прозу или критику либо и то, и другое. Среди его выпускников и студентов я могу вспомнить и нескольких коммерчески успешных авторов. Это и недоучившийся до диплома Виктор Пелевин, и популярная в течение нескольких лет детективщица Анна Малышева, и некоторые другие. Остальным приходится зарабатывать на хлеб насущный в офисах, библиотеках, редакциях изданий нелитературной тематики или даже на заводах. Также очень востребованной сферой сейчас является репетиторство. Ну а кто окажется по-настоящему состоявшимся, важным для русской культуры писателем—как всегда, покажет время.

— *Окончив Литинститут в две тысячи седьмом году, вы работали охранником, грузчиком, археологом, журналистом, администратором, менеджером по продажам, литературным редактором и так далее—это пишут на многих сайтах в вашей биографии. Как так? Человек с литературным дипломом... а пошёл грузчиком?*

— Да, всё верно пишут на этих сайтах. Но, например, Андрей Платонов числился дворником (работал ли он им—споры идут до сих пор)—это сколько-нибудь умалило его литературное дарование?.. А для того, чтобы стать хорошим грузчиком, тоже важны определённые качества: помимо выносливости и сноровки, это хороший глазомер, быстрое взаимопонимание с напарником, а порой ещё и умение грамотно вести переговоры. Кроме того, именно в то время я научился рассматривать многие ситуации не как досадные последствия «понижения в статусе», а как захватывающие приключения и крупицы бесценного писательского опыта.

— *Как я поняла, опыт этих профессий пригодился вам в творчестве. А были моменты, когда было очень тяжело в работе? Ведь интеллигентов не очень там любят. Да и выпить всегда предлагают...*

— Да, всякое бывало. Но чисто физически тяжело и непривычно, как правило, в самом начале. А потом тяжелее от обманов и разочарований в конкретных людях. Интеллигентов же не любят до тех пор, пока они неумехи и белоручки, а когда осваиваешься с тонкостями профессии, и при этом у тебя лучше работают мозги, больше знаний и интересов, то тебя—порой даже невольно—начинают уважать.

А выпить в хорошей компании иногда можно, но я точно знаю, что ярко и достоверно написанная страница даст мне куда больше радости, чем, например, бутылка водки.

— *Вы не раз говорили, что вам близка проза Пушкина и Хемингуэя. А почему именно они?*

— Не только они двое, конечно. Но у них я вижу сочетание краткости и выразительности, смелость художника в раскрытии новых тем и точность в изображении глубоких переживаний. Но при этом они не стремились уходить от читателя, становиться непонятными для него. И пути, открытые каждым из них, до сих пор остаются очень перспективными.

— *И какой список литературы вы бы предложили молодым родителям, воспитывающим детей десяти-двенадцати лет?*

— Хорошей литературы, близкой и понятной детям, к счастью немало. Начал бы я, пожалуй, с других своих любимых авторов: Николая Носова и Отфрида Пройслера. Трилогия Носова про Незнайку—ярко раскрывает детскую и взрослую психологию, в наглядной и доступной, но отнюдь не упрощённой форме показывает, как работает и могла бы работать экономика в будущем. «Маленький Водяной», «Маленькая Баба-Яга» и «Маленькое Привидение» Пройслера—это уроки весёлого добра, когда те, кого мы всегда считали отрицательными фольклорными персонажами, осознают себя и раскрываются совсем иначе. Конечно же, «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» Сельмы Лагерлёф—главную мысль этой книги о том, как мы сами делаем себя «маленькими» и как непросто вновь стать «большими», не стоит никогда забывать и взрослым. Это и увлекательный роман «Жизнь мальчишки» Роберта Маккамона. И полузабытая сейчас, но совершенно замечательная повесть «Короткое детство» Виктора Курочкина, и рассказ «Уроки французского» Валентина Распутина. Из совсем современных—отмечу повесть Артёма Ляховича «Черти лысые», целый ряд книг Юрия Нечипоренко и только что вышедший в Фонде поддержки и развития детской литературы «Надежда» (город Оренбург) сборник «Чтобы помнили...», объединивший более сорока авторов с документальными и художественными произведениями о Великой Отечественной войне, отобранными специально для детей.

— *А что для подростков от тринадцати и до восемнадцати лет?*

— Того же Пройслера, но уже с его романом «Крабат, или Легенды старой мельницы», причём фильм-экранизацию можно не смотреть, а вот прочитать—стоит обязательно. Ивана Ефремова с диалогией «На краю Ойкумены». Сэлинджера

и его «Над пропастью во ржи» и «Девять рассказов». Книги молодых авторов: Анны Маркиной (финалистки премии В. П. Астафьева) — «Сирекот, или Зефирная Гора», и Евгения Рудашевского — «Здравствуй, брат мой Бзоу!», «Куда уходит кумуткан», «Ворон» и серия книг «Город Солнца».

— *Что сейчас читает массовая Россия? И как сейчас, на ваш взгляд, идут дела с книгоизданием? Не знаете, сложно ли быть напечатанным?*

— По моему ощущению, сколько-нибудь единой читательской «массы» сейчас просто нет как таковой. Есть много совершенно автономных страт, и у каждой свои вкусы и предпочтения. Кто-то читает только фантастику, кто-то — только детективы, узкий круг «болельщиков» следит за так называемой «премиальной» литературой. Как дела с книгоизданием?.. Ну, это с какой стороны посмотреть... Скажем, полиграфия совершенствуется, а круг авторов необыкновенно широк и разнообразен. Напечататься, то есть увидеть и порадоваться собственной книге, сейчас необыкновенно легко; в конце концов, есть же платформы, подобные Ridero, где работают со всеми. Однако найти своего читателя, добиться его любви, эмоционального и материального отклика именно сейчас бывает необыкновенно сложно.

— *Что сейчас происходит с читателем? Стали меньше читать?*

— Да, читать художественную литературу стали меньше. Она ощутимо сдвинулась в сторону журналистики (причём зачастую низкопробной), блогерства и стала намного ближе к сфере развлечений. Так издатели, а порой и сами писатели стремятся привлечь читательское внимание. Однако здесь вмешиваются два решающих «но»: журналисты и блогеры неизбежно реагируют на актуальные события намного быстрее, а визуальные развлечения — куда как доступнее и проще в употреблении. В итоге, ненадолго привлекая внимание к конкретной книге, такие «стратегии продвижения» чаще всего отвращают людей от самой литературы. Читатели-то ищут в книге не шум и взбитую пену, а образы, рождённые их современником, но пригодные для вечности, точно сформулированные вопросы и пути к ответам на них.

— *Сейчас очень многие борются за внимание читателей. Их разрывают телевидение и интернет-пространство, и, кажется, тихо в сторонке стоят молодые писатели... Придёт ли время больших романов? И ещё: как вы думаете, почему режиссёры неохотно ставят молодых писателей?*

— Мне видится, что это далеко не так; напротив, многие (к счастью, не все) молодые авторы стремятся к пиару и продвижению любой ценой, часто в ущерб творчеству. Другое дело, что за пределами

конкретных тусовок многие их изощрения так и остаются незамеченными и неоценёнными. Кстати, я не уверен, что полноценное литературное высказывание — это всегда только роман. Удачный рассказ или повесть требуют не меньшего мастерства и куда большей концентрации мысли и чувства. Но время глубокого осмысления всех вызовов нашей эпохи уже приходит. Придут и театральные и кинопостановки.

— *Раньше были писатели-старцы — к ним приходили за советом, очень важен был их взгляд на какую-то проблему, явление. Те же Распутин, Солженицын, Астафьев. Сейчас этого не наблюдается. Почему? Или я ошибаюсь и время писателей-пророков не за горами?*

— Нельзя дважды войти в одну реку — ничто и никогда не повторяется ни в частной жизни, ни в истории. Отчасти необычайный авторитет писателей в советский период, как мне представляется, был связан с тем, что им приходилось замещать собой религиозные и политические фигуры. Так что, помимо художественных достоинств, люди искали и часто находили в их произведениях и ответ духовности, и важные, пусть и порою зашифрованные, политические высказывания. При глубоком и цельном взгляде авторов-мыслителей на проблемы, готовности отстаивать и не поступаться своими внутренними принципами — авторитет литераторов неизбежно возрастёт. Но едва ли это произойдёт скоро, так как сейчас куда заметнее признаки нового декаданса.

— *Как повлияли соцсети на литературу? Многие модные писатели — к примеру, Цыпкин, — вышли из соцсетей.*

— Честно говоря, я не вижу оснований, кроме чисто формальных, считать Цыпкина писателем — не любой человек, у которого выходят книги, автоматически становится писателем. Видимо, он хороший специалист по маркетингу и коммуникациям, но на собственно литературу уже не остаётся ни времени, ни таланта. Соцсети дали возможность прямого и максимально быстрого общения, стремительной обратной связи, это очень удобно, но по той же самой причине литература родом из соцсетей более поверхностна, легковесна и стилистически неряшлива. Точно не стоит тащить любой сиюминутный пост на страницы книги.

— *Скажите, а на какого автора ставит сейчас литературная критика? Особенно в советское время было модно сказать — «надежда литературы»... Есть ли сейчас такие надежды?*

— Надежды появляются с завидной регулярностью. И они у каждого критика свои, потому что практически каждый сколько-нибудь амбициозный критик бывает счастлив открыть своего

«нового Гоголя» или кого-то ещё. У меня есть свои надежды — и понятно, что все они сбыться не могут, только некоторые. Могу навскидку назвать Наталью Мелёхину, Александра Кирова, Викторию Чембарцеву, Илью Луданова, Альбину Гумерову, Марию Косовскую, Сати Овакимян. А пока лично я внимательно почитаю своих коллег — лауреатов Астафьевской премии: вполне возможно, что именно они скоро окажутся в лидерах не только молодой, но и достаточно зрелой русской литературы.

— *Вы сами и критик, и прозаик. Критиков в литературе не очень любят. Если только они не восхищаются. Не обижаются ли на вас ваши коллеги по прозе?*

— Дарья, всё-таки, скорее, наоборот: в первую очередь — прозаик, а потом уже критик, так я себя ощущаю, это же подтверждается и соотношением публикаций. Чаще я пишу о тех книгах, которые нахожу чем-то интересными. У меня, конечно, есть и жёсткие отрицательные рецензии, поскольку любой огород, в том числе и литературный, нужно периодически пропалывать от сорняков, но всё-таки это не главное и отнюдь не самое сложное и интересное. А если кто-то из коллег любит обижаться на заслуженную критику, то, согласитесь, это больше его личные проблемы.

— *Быть критиком у нас в стране — сложное дело. Платят очень мало. Вы где-то ещё работаете? Как кормите семью?*

— Да, конечно. Причём часть моих занятий в ранний период вы уже перечислили в начале разговора. А сейчас я занимаюсь в том числе редактурой, ведением литературных мастер-классов и консультациями по питанию. А ещё премии вот получаю иногда.

— *Не хотели бы вы попробовать себя в других жанрах? К примеру, критика кинофильмов. Или написание сценариев к фильмам. Или драматургия.*

— Да. Хочу и даже планирую в скором времени. Предложения уже поступают. А «переключение» жанров — это очень увлекательное занятие.

— *Над чем вы сейчас работаете?*

— Сейчас параллельно работаю над сборником рассказов и эссе под рабочим названием «Двадцать сторон света» и над документально-художественной книгой о труднических поездках на Соловки, о том, насколько тесно там переплетены времена и судьбы. Также собираю и структурирую будущую книгу критики, которая, по задумке, будет состоять из нескольких больших статей, раздела проблемных высказываний и примерно полусотни рецензий. На сегодня этот сборник готов примерно на две трети.

— *Не устаёте ли вы от Москвы? Не хотелось бы вам уехать на год или два далеко, подальше от Москвы, чтобы писать?*

— Иногда такое случается. Порой я даже ненадолго выезжал к друзьям за город... Как, например, однажды поздней осенью, чтобы написать рассказ о старом караиме. Дедлайн всё громче стучался ко мне в двери. Я запасся необходимой информацией о традициях, обычаях и истории этого малого народа со Средневековья до конца двадцатого века и напросился к друзьям на необитаемую в эту пору дачу в Раменском районе. Однако специально расположился там вовсе не в большом двухэтажном доме, а в крохотной летней кухоньке. Я охотно прибрался и разложил вещи из рюкзака. Затем вышел, чтобы полюбоваться закатом и надёргать свисавшего гроздьями с веток кислого винограда. Гулял по лесу. Перекопал небольшой парник. По одному разу в день звонил домой и включал старенький телевизор. Ночами, лёжа на раскладушке, прислушивался, как деловито шуршат по улам мыши. Ничего не записывал, кроме самых кратких — в несколько слов — наблюдений. Но уже предчувствовал то самое рокошущее приближение. Как будто выходишь на океанский берег — и совсем скоро тебя подхватит огромная приливная волна. И вот на третий день волна пришла и подхватила меня, как щепку. Это было что-то такое, что сложно в себя вместить. Душа целого народа будто ожила, зашевелилась и теперь проходила сквозь меня и говорила разными головами. Хотелось переспросить то одно, то другое, но я мог только записывать, строчить, заполняя лист за листом. Боясь лишь одного — всё равно чего-то не успею. Однако через несколько часов я всё-таки поставил точку. Волна укатилась дальше, уже без меня.

— *Насколько мне известно, ваша супруга тоже пишет. Как живут вместе двое коллег? Как и где вы познакомились? Обычно такие творческие союзы, если взять, к примеру, Астафьева и Марию Семёновну или Льва Толстого с Софьей Андреевной, приводят к тому, то кто-то становится в творчестве главным, а второй начинает подчиняться ему... помогает вести переписку...*

— Мы с Любой познакомились во дворе Литинститута — поступали на один и тот же курс, только в разные семинары: я — на прозу, она — на поэзию. Спустя несколько лет у нас завязались более близкие отношения, которые привели не только к душевному согласию, но и к брачному союзу. Конечно же, мы оба остались самостоятельными творческими личностями, может быть, с немного разным уровнем литературных амбиций. Выручаем друг друга, когда это нужно, но свои переписки обычно ведём самостоятельно...

— Вернёмся к Виктору Астафьеву. «С каким удовольствием с самого детства я читал его, начиная с „Затесей“, „Васюткина озера“ и „Коня с розовой гривой“! А ещё обязательно слушал, как он читал отрывки из своих книг на радио—его манеру и голос было невозможно ни с кем перепутать и так же невозможно было оторваться до самого финала. „Царь-рыба“, „Где-то гремит война“, „Пастух и пастушка“, „Пролётный гусь“—какой мощный и необъятный языковой простор в каждом из них!»—так вы написали на своей странице в «Фейсбуке». На ваш взгляд—почему многие говорят, что Астафьев тяжёлый, что читать его тяжело? Я, как журналист, встречаю такие мнения у студентов и даже учителей!

— Возможно, речь идёт о разных периодах творчества Виктора Петровича. В его поздних произведениях, таких как «Прокляты и убиты», в самом деле преобладают тяжёлые чувства. Там он стремится докопаться до самой страшной правды и ткнуть читателя в неё лицом. Но в итоге писатель нередко экстраполирует частное на всю эпоху и даже на всю человеческую природу. На склоне лет

у великого художника слова Астафьева осталось меньше света. Но в более ранних повестях и рассказах любовь и сопереживание уравнивают боль, и это необыкновенно важно.

— Скажите, пожалуйста, какие ваши любимые произведения Астафьева? И чем они для вас важны?

— Повести «Где-то гремит война», «Пастух и пастушка» и его ностальгическая эпопея «Последний поклон». В первых на полном ходу сталкиваются ранняя юность и страшное военное время, полное невозвратных потерь. «Последний поклон»—необычайное богатство языка и характеров, ушедшая деревенская Атлантида, которая всё равно остаётся с нами благодаря огромному таланту Виктора Петровича.

— Хотели бы вы приехать на родину Астафьева вновь или в первый раз? И почему?

— Да, конечно. Я уже бывал в Красноярске, но пока что ни разу не был в Овсянке—надо обязательно восполнить этот пробел. Это важнейшее место, и моя «внутренняя Россия» без него всё-таки неполна.